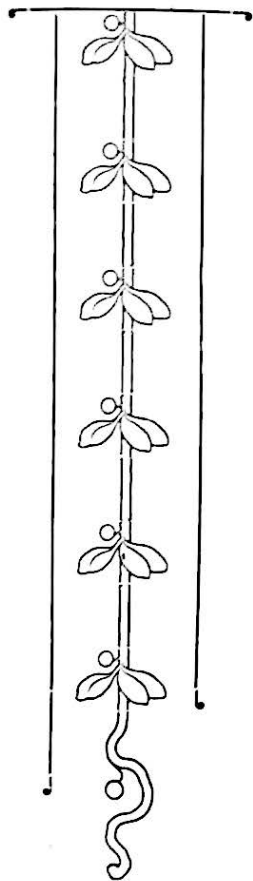

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ.}}$ 1910.

Критика о Чеховъ.

Наша критика за послѣднее время отличалась (и отличается) удивительной чуткостью...

Ни одинъ талантъ не укрылся отъ ея проницательнаго взора.

Критики за тысячу верстъ отъ себя „открывали“ таланты, холили ихъ, лелѣяли, дѣлали украшеніемъ литературы...

Доказательствомъ можетъ служить А. П. Чеховъ.

Вотъ путь, по которому прошелъ (и еще, пройдетъ послѣ смерти) А. П. Чеховъ сквозь строй русской критики.

I.

Въ 1890 году.

...Сколько чепухи приходится читать бѣдному русскому критику!

Подобно золотоискателю, русскому критику приходится промывать сто тысячъ пудовъ песку, прежде чѣмъ онъ получитъ нѣсколько крупинокъ настоящаго золота...

Но русскіе критики помнятъ завѣты Бѣлинскаго и честно несутъ свой литературно-критическій крестъ.

Противно читать всякую ерунду, да ничего не подѣлаешь—надо... Зажимаешь носъ и читаешь.

Но бываетъ иногда, что и русскаго критика стошнитъ. Со мной это случилось на-дняхъ; когда въ одномъ изъ нашихъ журналовъ я наткнулся на разсказъ нѣкоего А. П. Чехова.

Авторъ этого разсказа, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться честнымъ ремесленникомъ-сапожникомъ, портнымъ или переплетчикомъ, пошелъ въ „лѣтиратуру“.

Боже! Что за чушь нагородилъ онъ! Уважая своихъ читателей, я не стану передавать содержаніе разсказа.

Да и не зачѣмъ! А. П. Чеховъ принадлежитъ къ той категоріи „писателей“, о которыхъ не принято говорить въ хорошемъ литературномъ семействѣ.

Такіе „лѣтираторы“ забываются при жизни ихъ и умираютъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

А. П. Чеховъ не покроетъ славой даже забора, подъ которымъ онъ умретъ.

А. Скабичевскій.

II.

Въ 1900 году.

...О зелено-блѣдно-красно-сине-оранжевыхъ стихахъ дураковъ, мерзавцевъ, идиотовъ, мелкихъ воришекъ и контрабандистовъ, именующихъ себя декадентами, писалъ уже мой другъ Алексисъ Жасминовъ.

Онъ такъ отдѣлалъ этихъ бездарныхъ, пошлыхъ, тупыхъ матереубійцъ, пишущихъ стихи, что они теперь сидятъ въ своихъ углахъ и, жалобно скуля, зализываютъ свои раны.

Но помимо стихотворцевъ появились и прозаики, имъ подобные.

Одинъ изъ этихъ „новыхъ“ прозаиковъ—А. П. Чеховъ.

А. П. Чеховъ! Апчеховъ... Апчхи!..

Даже фамиліи у этихъ господъ такія, что напоминаютъ насморкъ.

Когда-то были у насъ Гоголи, Гончаровы, Тургеневы, Лѣсковы, а теперь Апчхи...

Однако не въ фамиліи дѣло. Какъ пишетъ этотъ г. Апчхи! Изумительно пишетъ!

Его „русскому языку“ отдается настоящимъ высокопробнымъ жидовскимъ чеснокомъ.

Такая намъ рисуется картина.

Пришелъ изъ синагоги А. П. Чеховъ, снялъ лапсердакъ, съѣлъ фаршированную „щуку“ и, поговоривъ съ Волынскимъ и Фругомъ, съѣлъ писать „рушкому рашказъ“.

Эхъ, хорошо бы всѣхъ этихъ Чеховыхъ, Горькихъ, Чириковыхъ и Куприныхъ вздернуть на первую осину.

Старъ, но не дрогнула бы у меня рука...

III.

Въ 1905 году.

А. Горнфельдъ: Умеръ крупный талантъ! Бѣдная Россія!

В. Кранихфельдъ: Не „крупный талантъ“, а великій талантъ. Не „бѣдная“, а несчастная Россія. Русская литература осиротѣла.

А. Измайловъ: Умеръ великій Панъ!.. Глаза мои превратились въ ренштоки, чрезъ которые потокомъ льются слезы. Затопленъ весь нижній этажъ моими слезами. Я боюсь, что во мнѣ лопнула магистральная труба...

А. Скабичевскій: Братцы, и я и я! Вы знаете, кто такой Чеховъ? Нѣтъ, вы не знаете, кто такой Чеховъ!

Чеховъ—это величайшій русскій писатель. Чеховъ—геній!

Плачь, литература! Глухая, ты даже не знаешь, кого ты потеряла!

В. Буренинъ: Умеръ единственный русскій писатель... Въ Россіи, отравленной инородцами, не долга жизнь истиннаго русскаго писателя. Сошелъ въ могилу великій талантъ. Миръ праху твоему, великій русскій писатель.

К. Чуковскій: Умеръ Чеховъ, живъ Осипъ Дымовъ... Невольно слезы туманять глаза...

IV.

Въ 1910 году.

А. Горнфельдъ: Преклонимъ колѣни!

В. Кранихфельдъ: Ставъ на колѣни, прославимъ дорогого и незабвеннаго А. П. Чехова.

А. Измайловъ: Чеховъ—русскій писатель. Это не Айзманъ, Юшкевичъ и Осиповичъ. Чеховъ—это Чеховъ. Чеховъ—русскій писатель. Да, русскій писатель... Братіе! падемъ ницъ предъ гробницей русскаго (да русскаго) писателя.

В. Буренинъ: Бездарности здравствуютъ. Горькій наслаждается жизнью на о. Капри. Леонидъ Андреевъ катается въ своей моторной лодкѣ на жидовской лентѣ кинематографа, а Чеховъ... Отвѣсимъ ему земной поклонъ у преждевременной могилы...

К. Чуковскій. Какимъ-то благоуханіемъ вѣетъ отъ каждой строчки Чехова. Со смертью Чехова вторично умеръ Достоевскій.

Какъ радостно быть Чеховымъ!.. даже мертвымъ Чеховымъ.

Лучше мертвый Чеховъ, чѣмъ живой Арцыбашевъ.

V.

Въ 1915 году.

...Чеховъ неуклонно шелъ къ сумасшествію.

Онъ съ невѣроятной быстротой катился внизъ, тщетно хватаясь за уступы, за кустики, какъ умирающій хватается за соломинку.

Въ произведеніяхъ Чехова 13.478.120 разъ повторяется буква Т; 28.101.783 раза—буква С, и 78.910.111.213.314 разъ—буква К!

Буква К преслѣдовала бѣднаго писателя, не давала ему покоя, отравляла жизнь.

Въ „Чайкѣ“ К; въ „Мужикахъ“ К; въ „Дядѣ Ванѣ“ только по какому-то недоразумѣнію не оказалось К.

Даже женился онъ на женщинѣ, фамилія которой начинается съ К—на г-жѣ Книпперъ.

Даже друзей онъ выбиралъ съ фамиліями, въ которыхъ имѣлось К: Купринъ, Горькій, Станиславскій и т. д.

И, казалось, что самъ Чеховъ—большой даровитый К.

Не талантливый, конечно! Талантливъ только Господь Богъ, Толстой и я.

Но дарованье у Чехова было. Небольшое, конечно, дарованьице, но оно было у него, несомнѣнно, было.

Какъ хорошо все-таки, что онъ умеръ до появленія „Сатирикона“...

Рядомъ съ „Сатирикономъ“ Чеховъ потерялъ бы свой блескъ, какъ потеряли свой блескъ „Русское Богатство“, „Современный Міръ“ и „Русская Мысль“ рядомъ съ гениальной, высокоталантливой „Нивой“.

К. Чуковский.

Собралъ и издалъ

О. Л. Д'ОРЬ.

